

Научная статья
УДК 94/902
DOI 10.46698/VNC.2024.1.1.001

В.(Х.)Т. Чшиев

Новые данные к погребальной обрядности древнего населения Кавказа (по материалам памятников кобанской культуры эпохи поздней бронзы)

Владимир Таймуразович Чшиев

Центр скифо-аланских исследований ВНЦ РАН, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук, Владикавказ, Россия, hacht@mail.ru.

Аннотация. В статье рассматриваются бронзовые стержневидные булавки с навершием в виде бараньих рогов, использовавшиеся древнекавказским населением, оставившим памятники протокобанской эпохи в качестве украшения женской прически. По мнению автора, ряд экземпляров таких булавок несет на себе следы намеренной деформации, являющиеся признаками ритуала «умерщвления» предметов погребального инвентаря.

Ключевые слова: эпоха поздней бронзы Кавказа, кобанская археологическая культура, протокобанская эпоха, Кумбултский (Верхнерутхинский), Фаскаульский, Адайдонский некрополи, новые данные к погребальному обряду

Для цитирования: Чшиев В.Т. Новые данные к погребальной обрядности древнего населения Кавказа (по материалам памятников кобанской культуры эпохи поздней бронзы) // Вестник Владикавказского центра РАН. 2024. Т. 24. № 1. С. 33–35. DOI 10.46698/VNC.2024.1.1.001.

New data on the funeral rites of the ancient population of the Caucasus (based on the materials of the monuments of Koban culture of the Late Bronze Age)

Vladimir T. Chshiyev

The Abaev Center for Scytho-Alanic Studies of VSC RAS, Senior Researcher, PhD, Vladikavkaz, Russia, hacht@mail.ru.

Abstract. The article examines the bronze rod-shaped pins with a top in the form of ram's horns, used by the ancient Caucasian population, who left monuments of the Proto-Koban era as a decoration for a woman's hairstyle. According to the author, a number of copies of such pins bear traces of intentional deformation, which are signs of a ritual of "killing" objects of funeral equipment.

Keywords: The Late Bronze Age of the Caucasus, the Koban archaeological culture, the Proto-Koban epoch, the Kumbult (Verkhnerutkhinsky), Faskau, Adaydon necropolises, new data on the funeral rite

For citation: Chshiyev V.T. New data on the funeral rites of the ancient population of the Caucasus (based on the materials of the monuments of Koban culture of the Late Bronze Age) // Bulletin of the Vladikavkaz Center of the Russian Academy of Sciences. 2024. Vol. 24. No.1. P. 33–35. DOI 10.46698/VNC.2024.1.1.001.

В ряде работ, посвященных ранним высокогорным археологическим памятникам кобанской культуры, нами был прослежен довольно интересный обряд намеренной порчи предметов погребального инвентаря [1; 2, с. 23–25; 3]. Это так называемый обряд ритуального умерщвления погребального инвентаря, прослеженный нами на ряде предметов вооружения Адайдонского могильника кобанской культуры, включавшего бронзовые кинжалы, ножи, копья, дротики. Обряд заключается в придании предметам, посвященным покойному и помещенным вместе с костяком в гробницу, свойств, обратных их «прижизненным» функциям. Т. е. режущая кромка тех клинковых предметов, которые резали, рубили (ножи и кинжалы), намеренно затуплялась

ударами о камни или другими твердыми орудиями (обух топора, каменный или бронзовый молот). А у тех категорий вооружения, которые кололи – бронзовые копья и дротики – резко сгибался наконечник. Настолько, что ими уже нельзя было нанести какие-либо повреждения. Сделано это было с целью привести в негодность, «умертвить» предмет, чтобы он перестал функционировать, вероятно, для того чтобы он «последовал» за хозяином и служил ему и в загробном мире. Когда стало очевидно, что существуют многочисленные случаи бытования этого обряда, прослеженные нами по материалам ранних комплексов Адайдонского, Кумбултского (Верхнерутхинского), Фаскаульского некрополей эпохи поздней бронзы, появился вопрос о возможном

присутствии признаков этого обряда не только среди предметов вооружения, но и на других категориях погребального инвентаря, в частности украшениях. С целью прояснения этого вопроса нами был проанализирован многочисленный археологический материал протокобанской – раннекобанской эпохи высокогорных памятников Центрального Кавказа.

В результате было выявлено присутствие обряда «умерщвления» предметов погребального инвентаря среди многочисленной серии бронзовых булавок Кумбултского (Верхнерутхинского) некрополя и могильника Фаскау эпохи поздней бронзы. Это два типа крупных стержневидных бронзовых булавок. Булавки первого типа венчают навершие в виде пластины с концами, оформленными в виде спиралей, часто украшенными орнаментом, нанесенным в технике пуансон [4, с. 211, табл. 11, 4; с. 212, табл. 12, 1; с. 24–25; с. 239–241; с. 253] (илл. 1.1–2.6).

В специальной литературе они именуются булавки типа «бараньи рога». В.И. Козенкова относит время их бытования к периоду Кобан 1 – протокобанскому переходному периоду и датирует началом XIV – первой половиной XII в. до н. э. [5, с. 91, рис. 34, 11]. А.П. Мошинский датирует такие булавки XV–XIII вв. до н. э. [6, с. 263–264]. Булавки с навершием подтреугольной формы (илл. 1.3–1.5, 1.7) датируются так же, как и булавки с навершием типа «бараньи рога» [5, с. 119, рис. 44, 4]. В Закавказье булавки рассматриваемого типа известны среди материалов Брилльского, Тлийского, Квасатальского могильников, Начеркезеви, городища Урбниси, с холма Амиранисгора в Месхети [7, с. 56, рис. 53, 1–2; 8, с. 133–134]. Также в горной зоне Северного Кавказа булавки «бараньи рога» известны в Чечне, в могильнике Гатын-Кале [8, с. 132]. Б.В. Техов полагал, что тлийские экземпляры булавок с двуспиральным навершием «должны были появиться в середине первой половины 2 тысячелетия до н. э.» [8, с. 133]. Генезис формы булавок с роговидными навершиями Б.В. Техов выводил из стран древнего Ближнего Востока и Передней Азии, где они известны уже в конце 4 – начале 3 тыс. до н. э. [8, с. 134]. По мнению исследователя, «проникнув из Передней Азии в Закавказье, булавки с роговидным навершием затем широко распространились на Северный Кавказ. Разнообразные булавки из могильников Дигории (Кумбулта, Рутха, Галиат, Камунта) некоторые исследователи считают предшественниками чисто кобанских форм» [8, с. 134].

Бо́льшая часть булавок с двуспиральным навершием и булавок с подтреугольным навершием были найдены с прямым стержнем, как правило по две, в области головы женских захоронений (илл. 1.6–1.7). Считается, что эти крупные булавки использовались как праздничные, ритуальные и погребальные украшения высокой, сложной женской прически. В то же время приводимые нами многочисленные экземпляры, в которых стержень был

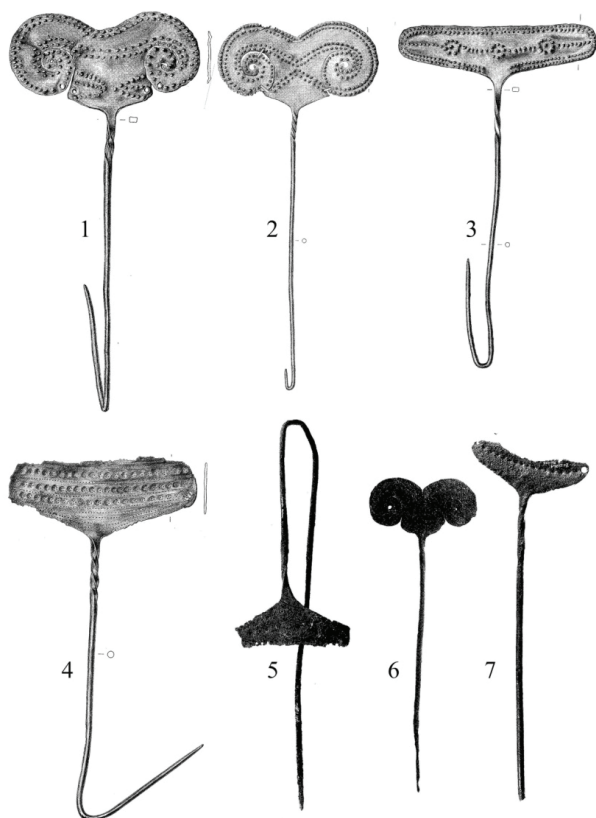

Рис. 1. Бронзовые булавки из некрополей Кумбулта (Верхняя Рутха и Фаскау)

1–3 – Кумбулта (Верхняя Рутха); 4 – Фаскау, 5 – Кумбулта (Верхняя Рутха); 6 – Кумбулта (Верхняя Рутха); 7 – Фаскау. Без масштаба. По I. Motzenbäcker, 1996.

намеренно согнут рукой человека в древности, захороненные вместе с женскими погребениями, свидетельствуют о присутствии в данном случае обряда «умерщвления» погребального инвентаря. В результате осуществления этого ритуала стержень булавок в той или иной степени согнут (илл. 1.1–1.5), что привело к невозможности их использования по прямому назначению, т. е. их нельзя больше воткнуть в прическу, намотать на стержни косу и т. д. Приводимые нами экземпляры булавок с согнутым стержнем хранятся сейчас в фондах Берлинского музея древней истории. Они были вывезены в Германию в 1903 в 15 ящиках, вместе с коллекцией древностей, собранной в результате раскопок древних могильников разными лицами на территории Осетии в конце XIX в., преимущественно могильника Фаскау и Кумбулта (Верхняя Рутха). Отметим в данной связи, что сгибание булавок не может быть связано с задачей их компактного складирования в ящики, упаковки при пересылке в Берлин и т. д., так как в этих же ящиках находилась и масса не согнутых булавок того же типа (илл. 1.6–1.7). Кроме того, если бы стержень булавок был согнут в конце XIX в., при находке предметов, или в 1903 г., при пересылке в Берлин, то сильно корродированные

за три с половиной тысячи лет украшения просто бы сломались. Гладкие места сгиба, без трещин металла и разорванной патины свидетельствуют о том, что их согнули в древности, перед захоронением. На наш взгляд, сгибание рассмотренных выше экземпляров украшений, в некоторых случаях почти вдвое, исключавшее их использование, связано с отражением обряда ритуального «умерщвления» погребального инвентаря.

Таким образом, как было отмечено выше, обряд «умерщвления» предметов погребального инвентаря ранее был зафиксирован нами в могильниках Фаскау и Кумбулта (Верхняя Рутха) на предметах вооружения. Приведенные данные свидетельствуют, на наш взгляд, о наличии этого обряда и на ряде украшений, в частности, среди бронзовых булавок «бараньи рога» и стержневидных булавок с уплощенным навершием подтреугольной формы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чшиев В.Т. Адайдонский некрополь — памятник эпохи поздней бронзы — раннего железа в Зарамагской высокогорной котловине Большого Кавказа // Вестник Владикавказского научного центра РАН / Отв. ред. Г.П. Селиверстова. № 3. — Владикавказ, 2021. С. 6–10.
2. Чшиев В.Т. Обряд «умерщвления» предметов в материалах Адайдонского некрополя // Вестник Владикавказского научного центра РАН / Отв. ред. Г.П. Селиверстова. № 2. — Владикавказ, 2019. С. 16–18.
3. Чшиев В.Т., Чшиева М.Ч. «Верхняя Рутха» / «Кумбулта» погребальный памятник кобанской археологической культуры в Дигорском ущелье Центрального Кавказа. Новые данные по обряду захоронения / Вестник ВНЦ РАН. № 4. — Владикавказ, 2021. С. 10–16.
4. Motzenbäcker I. 1996. Sammlung Koschnierska. Bestands kataloge. Bang 3. Berlin: Museum für Vor- und Frühgeschichte, 1996. — 294 s.
5. Козенкова В.И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). — М.: ИА РАН, 1996. 162 с.
6. Мошинский А.П. Протокобанская эпоха на Северном Кавказе и археологические культуры // XXV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов Международной научной конференции. Владикавказ. 21–25 апреля 2008 г. / Отв. ред. А.А. Туаллагов. Владикавказ, 2008. 407 с. С. 261–264.
7. Техов Б.В. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н. э. — М.: Наука, 1977. 238 с.
8. Техов Б.В. Археология южной части Осетии. — Владикавказ: Ир, 2006. 639 с.

REFERENCES

1. Chshiev V. T. The Adaydon Necropolis is a monument of the Late Bronze Age — Early Iron Age in the Zaramag highland basin of the Greater Caucasus // Bulletin of the Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences / Ed. by G. P. Selivestrov. No. 3. — Vladikavkaz, 2021. pp. 6–10.
2. Chshiev V. T. The rite of "mortification" of objects in the materials of the Adaydon necropolis // Bulletin of the Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences / Ed. by G. P. Selivestrov. No. 3. — Vladikavkaz, 2021. pp. 23–25.
3. Chshiev V. T., Chshieva M. Ch. "Upper Rutha" / "Kumbulta" funerary monument of Koban archaeological culture in the Digor gorge of the Central Caucasus. New data on the burial rite / Bulletin of the VNC RAS. No. 4. — Vladikavkaz, 2021. pp. 10–16.
4. Motzenbäcker I. 1996. Sammlung Koschnierska. Bestands kataloge. Bang 3. Berlin: Museum für Vor- und Frühgeschichte, 1996. — 294 S.
5. Kozenkova V.I. Cultural and historical processes in the North Caucasus in the Late Bronze Age and Early Iron Age (Nodal problems of the origin and development of Koban culture). M.: IA RAS, 1996. 162 p.
6. Moshinsky A. P. Proto-Kuban epoch in the North Caucasus and archaeological cultures // XXV Krupnov readings on the archeology of the Northern Caucasus. Abstracts of the reports of the International Scientific Conference. Vladikavkaz. April 21–25, 2008 / Ed. by A.A. Tuallagov. Vladikavkaz, 2008. 407 S. S. S. 261–264.
7. Techov B.V. Central Caucasus in the XVI–X centuries BC. — M.: Nauka, 1977. 238 p.
8. Techov B.V. Archeology of the southern part of Ossetia. — Vladikavkaz: Ir, 2006. 639 p.